

Известия. - 1994. - 12 нояб. - с. 2.

ЖИТЬ, КАК ВСЕ

Марк ЗАХАРОВ,
художественный руководитель Московского театра Ленком

Мое сильнейшее зарубежное впечатление — не Лувр, не Венеция, не Диснейленд и не собор Св. Петра — улица в Швейцарии. Правда, помытая до блеска, но не это противно.

За моей спиной раздается громкий удар одного автомобиля о другой. Мгновенно в усталой голове срабатывает помимо воли прогнозирующий рефлекс: сейчас должна разразиться оглушительная ругань. Даже мерещатся знакомые до боли слова ненормативной лексики. Но!.. К моему величайшему изумлению, из двух столкнувшихся автомобилей спокойно выплывают водители и с до противности одинаковыми минорно-приветливыми улыбками (что особенно меня озлобило) виновато разводят руками: дескать, извините, сэр, беда. Не скрою: захотелось подойти и сказать: «Неправильно себя ведете, херренс унд мсье (страна-то двуязычная: один поймет, другой обидится). Не так, командиры, это делается! Не по-людски!» И только слабое знание всех иностранных языков сразу удержало меня, к счастью для нашего консульства, от возникшего было моего вмешательства в инцидент.

В принципе Швейцарию хвалить не хочу. Не за что. Конфедерация. Состоит из двадцати с лишним кантонов и полукантонов, но «стингеры» не приобретают. Казалось бы, вот оно, место для применения системы «Град», а они в такой апатии, что даже гранатами не интересуются... Нет, продать несколько штук, я думаю, можно, но уговаривать придется до посинения. И еще, возможно, приплатить...

Это тщедушное миролюбие, конечно же, не для нас! Мы, вольные дети бывшего соцлагеря, и воздух наших городов пропитан духом революционного недовольства, раздражения, агрессии. К этим настроениям привыкаешь с детства. Поэтому вялые швейцарские улыбки и вызывали у меня при первом же посещении чувство глубокого и всестороннего неудовлетворения. И уже потом только за шведским столом стали приходить успокоительные философские раздумья типа: «А чего это мы вдруг все так озверели? И я в частности?»

Ну, во-первых, «не вдруг». У каждого из нас марксистские мозги: «Бытие определяет сознание». Вот дайте нам кисельные берега и молочные реки — и мы тогда измучаем друг друга улыбками, обцелуем каждого, кто ненароком наступит нам в троллейбусе на ногу!

Главное и подлое мое подозрение: улыбки не измучаем и не обцелуем. Вместо улыбок в любом самом спокойном случае подарим друг дружке зубовой скрежет. Как дарили его рабочие Путиловского завода временному правительству в 1917 году, хотя жили потом много хуже, шатаясь от голода. Или как мирные хлебопашцы — земляки, поклонники творчества Л. Н. Толстого, чуть было не спалившие в торжественной обстановке имение любимого писателя «Ясную Поляну» (только счастливый случай спас ее от уничтожения).

Не подумайте, что сворачиваю на банальную фельдетонную тему: дескать, не хватает расходов на культуру — вот в чем наша беда! Да, конечно, не хватает. Был бы Ленин культурнее, не писал бы Луначарскому: «Все театры советую положить в гроб» (26 августа 1921 года) и не забрасывал бы собственноручно сделанную петлю на памятник в Кремле Александру II. Но вот случилось. Культура — это все-таки не только рублевская «Троица», «Венера Милосская» и романы на стихи А. С. Пушкина. Это еще и состояние души, многообразие наших социально-бытовых взаимоотношений. Кстати, это стиль общения с незнакомыми людьми и материальными объектами.

Не преклоняюсь я перед Швейцарией! И у них какой-то процент все равно криминально настроен. И у них есть социальная прослойка, которую никакими пряниками не оттащишь от

попрошайничества. Обозленные люмпены у них тоже ходят с немилыми рожами. Но при этом надо признать: не они определяют атмосферу улиц, не они доминируют в городском пейзаже. Вот что противно. А то, что именно оттуда (из Цюриха) к нам по заданию кайзера приехал Ленин — так это приятно, не скрою, учитывая последствия. Хочется быть объективным.

Год назад в мюнхенской клинике «Гроссхадерн» мне была сделана операция на сердце. Когда я очнулся на этом свете и внимательно пригляделся к тем, кто работал со мной, с каждым часом улучшая мое состояние, меня снова посетили философские раздумья, как Чаадаева.

«Ну, почему это медсестры, — подумалось ненароком, — бросаются ко мне сломя голову, без всяких просьб и ошупывают меня в таком рвении и лучезарном озарении, как будто надо мной священнодействует сама Любовь Орлова из фильма «Светлый путь», где и радости особой не было, кроме ткацких станков?»

Опытный специалист по воспроизведению в СНГ подобной поточной операционной линии сумрачно признался: «Хирурги у нас высокого класса есть в изобилии, а вот послеоперационного периода подобной кондиции принципиально достичь не можем». Доказательство тому — несколько белорусских девушек-медсестер, работающих в Мюнхене на уровне лучших немецких специалистов, временно, по контракту. Пришлось согласиться, что в наших условиях нормальные девушки работают так... точнее, существовать, конечно, не смогут. Домашние, бытовые, дорожно-транспортные и финансовые проблемы не дадут им возможности создавать в глазах лучезарную искрометность, необычайную подвижность и тщательную корректировку каждой послеоперационной позиции.

Когда я понял, что задержусь на этом свете, к одной из белорусских умелиц, сдерживая слезы, стал приставать:

— Значит, собираетесь замуж за немца?

— Никогда! Счастье может быть только в Белоруссии!

— Приятно. А не жаль расставаться с уникальной профессией? Работать у нас на этом уровне не сможете. С этой скоростью и ловкостью — будете выглядеть белой вороной. Станете дискредитировать подруг. Придется либо уйти, либо, зачеркнув свой драгоценный опыт, стать такой, как все.

В 1978 году я снял телефильм «Обыкновенное чудо» по сказке Е. Шварца, где Волшебник с грустью говорит своей жене: «Неужели ты хочешь, чтобы я стал жить, как все?!»

Вот это и есть наша главная головная боль. Стать таким, как все или, поплыв против течения, не становиться таким? Как и когда на это решиться? Совсем в одиночку?.. А, может быть, уже есть люди, которых не так мало и они не хотят жить, как все?